

1820—1830-е годы обновили общую картину западно-европейской историографии; это повлекло за собою изменение состава имен историков, к которым стали проявлять интерес деятели русской культуры. Успехом стали пользоваться труды представителей французской романтической историографии (Мишье, Гизо, Тьерри, Барант) и исторические романы Вальтера Скотта. Обновление культуры затронуло, можно сказать, все области духовной жизни. Известность Гюго, Бальзака, Стендаля, Мериме, Мюссе, Альфреда де Виньи, Гейне, Шамиссо, Гофмана затмила славу их предшественников. Множество новых имен появилось и в других отраслях знаний. Все труднее становилось для русского человека следить за убыстряющимся ходом европейской жизни, особенно если учесть цензурные условия того времени. Требовался живой посредник, который следил бы за нескончаемым потоком новых книг и идей, за изменениями политических, исторических, религиозных взглядов, за экономическими и социальными преобразованиями. Для пушкинского круга писателей таким посредником стал А. И. Тургенев.

Смерть Людовика XVIII в 1824 году и восшествие на престол Карла X усилили позицию самых реакционных элементов аристократии и высшего духовенства. Приехав в Париж в октябре 1825 года, А. И. Тургенев оказывается в самой гуще событий, которые с неумолимой последовательностью привели к Июльской революции 1830 года. Он видит, как под покровительством властей пытаются

вернуть себе утраченные позиции иезуиты и другие религиозные конгрегации; как по требованию королевского прокурора возбуждаются судебные преследования против оппозиционных газет, как запрещают чтение лекций профессорам гуманитарных наук, которые понимают обреченность попытки Карла X повернуть вспять ход истории.

«Революция все изменила, — писал А. И. Тургенев о политическом перевороте во Франции в конце XVIII века. — Прежде актеры искали и находили некоторые образцы для своих ролей в высшем классе: теперь их нет там. Им надобно знакомиться с знатными другого рода, с аристократами финансов, с Лафитами и Ротшильдами».¹

Из театра Александр Иванович обычно спешил в гости. Здешние литераторы и ученые охотно принимали у себя Тургенева. Среди его новых знакомых — хозяйка знаменитого литературного салона: «... провел вечер у мадам Рекамье, и она мне чрезвычайно полюбилась. Милая, прелестная физиономия, которая носит на себе печать прекрасной жизни — и черты красоты душевной, неувыдаемой. Я думал найти пожилую красавицу, строгую, неприступную, как ее добродетель; а нашел добрую, еще прекрасную женщину, для которой в нашем языке одно выражение: *милой*, по душе, по уму — и по глазам, в коих и душа, и сердце, и ум ее выражаются. <...>

Мадам Рекамье живет в четвертом этаже, в одной комнате, в которой и спальня и приемная ее. Один портрет во всю стену мадам Сталь, камин и маленькая кушетка, около которой литераторы, журналисты, лорды, перы и депутаты оппозиционной партии собираются два раза в неделю».²

В салоне мадам Рекамье беседовали о последних политических событиях и литературных новостях. Не молчал и Александр Иванович; он завел речь о русской словесности и отметил в дневнике, что говорили «много о поэте Пушкине, коего дядю, Василия Львовича, мадам Рекамье знавала».

Знаменательная запись! Представитель передовой России, Тургенев еще в 1825 году рассказывал литературному Парижу о судьбе и творчестве Пушкина.

¹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.—Л., 1964, с. 319.

² Там же, с. 363.

Мадам Рекамье познакомилась с Василием Львовичем в 1803 году, во время его посещения Парижа. Пушкин, конечно, знал о заграничном вояже своего дяди от него самого; Василий Львович не раз потчевал племянника рассказами о своей поездке. К тому же этот вояж стал литературным событием. Иван Иванович Дмитриев сочинил шутивную поэму «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». Эта озорная шутка начиналась стихами:

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать...

Далее, проципатально предвосхищая события, Дмитриев писал от имени Василия Львовича:

Вчера меня князь Долгоруков
Представил милой Рекамье.

«Путешествие NN в Париж и Лондон...» вскоре было напечатано; тираж — 50 экземпляров; их роздали приятелям автора. В 1836 году Пушкин писал об этой шутивной поэме: «Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в Ювеналовом негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...» (XII, 93).

Чопорной морали великосветских гостиных Пушкин противопоставлял светлое, эпикурейское отношение к жизни, отстаивал право поэта на любой литературный жанр, который ему в данный момент по душе. От него требовали восхвалять мудрое правительство, — он отвечивал «Домиком в Коломне», собирався печатать озорную поэму Дмитриева.

Пушкин и сам любил пошутить. 31 октября 1826 года Тургенев вспомнил о вечере 1817 года, когда он «сближал пасторов протестантских и реформатских, и поэт Пушкин угощал их у меня пуншом и ужином, а под конец и бичевал веселым умом своим — вином разогретого пастора».³

Как же отнесся Александр Иванович к озорной выходке Пушкина? Тургенев был верующим человеком, но никогда не принадлежал ни к ханжам, ни к выпрепным моралистам. У него хватало ума ценить по достоинству остроумные суждения даже тогда, когда они не совпадали с его собственными. Свойственная ему широта взглядов отразилась в тоне записи, явно благожелательной к «веселому уму» Пушкина. Какой необычный и точный эпитет, как метко характеризует он Пушкина!

Теперь, в 1826 году, давнишняя перепалка юного Пушкина с пасторами могла наводить Александра Ивановича на глубокие раздумья. С годами он все более критически относился к отцам церкви. Конечно, «Война богов» Парни, столь любимая Пушкиным, не стала катехизисом Тургенева. Но и «Гений христианства» Шатобриана не был для него откровением. Александр Иванович понимал и иронию Парни, — особенно когда она целила в Ватикан, — и благочестие Шатобриана, — особенно когда он не пел дифирамбы папе.

В беглых записях Александра Ивановича о Пушкине нас поражают и частные замечания, точность, с которой он заносил на бумагу душевные и умственные движения поэта, и общий верный взгляд на его творчество.

25 февраля 1828 года Тургенев записал в дневнике о встрече в Лондоне с англичанином-банщиком: «Он был долго в России камердинером графа А. К. Разумовского и цитует ругательные стихи Ломоносова над митрополитом: признак и отпечаток того времени в России. Теперь бы он вывез Пушкина...»⁴

Для нас, людей XX века, произведения Пушкина — чаша нашего духовного бытия. В этом нет ничего удивительного. Но достойно удивления, что в двадцатые годы прошлого столетия, когда творческий путь поэта еще не был свершен, когда слова о его гениальности еще не стали общим местом школьных учебников, когда после выхода в свет его произведений раздавались голоса недоброжелателей и хулителей, нашелся человек, который понял, что творчество Пушкина должно считаться мерилем национальной культуры.

⁴ ИРЛИ, ф. 309, № 9, л. 7.

³ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.—Л., 1964, с. 434.

«14 марта <1828>... Обедал у маркиза Лансдовна. Приехал с Вильсоном в 7¹/₂ часов и скоро пошли за стол. Маркиз познакомил меня с другими конвивами, в числе коих был и знакомый брата Томсон, член парламента и банкир-либерал. Жена Лансдовна любезна, и за столом мне очень ловко и весело было болтать с нею. Когда дамы нас оставили, разговор о полит<ической> экономии, о истории, о поэте Пушкине, о брате сделался общим. Томсон звал «Пуш<кина>» в Одессе, а брата в ан<глийском> клубе и здесь. Говорил Лансдовну, что книга его вряд ли не единственная о сем предмете и не в одной России и пр<очее>».⁵

Перед нами столовая английского политического деятеля маркиза Лансдоуна, одного из лидеров партии вигов. Александр Иванович завел речь о Пушкине. «Мы с ним знакомы», — неожиданно раздалась реплика одного из гостей, Чарлза Томсона.

Чарлз Эдвард Полит Томсон, барон Сиденхем (1799—1841) был сыном лондонского купца. Он жил в России в 1815—1817 и 1821—1823 годах, где вел дела в филиале торговой фирмы своего отца; с 1826 года член английского парламента. Ранее, с 1822 по 1824 год, он числился членом Английского клуба в Петербурге. В русской столице Чарлз Томсон свел знакомства с будущими декабристами. В записке Фаддея Булгарина о связях людей 14 декабря с иностранцами сказано: «Корнилович и Муханов (Петр) были в связи с богатым английским купцом Томсоном, который снабжал их запрещенными либеральными газетами и брошюрами. Сам Томсон учился по-русски и путешествовал по России».⁶

Естественно предположить, что Томсон доставлял и Пушкину книжную «контрабанду».

Сегодня Александр Иванович горячо говорил о Пушкине в обществе, завтра — брал в руки томик его стихов.

«25 апреля <1828>... Я заглянул случайно в экземпляр Пушкина стихов, который я прислал брату, и во всей книжке нашел только следующие стихи в „Уединении“, отмеченные карандашом:

⁵ ИРЛИ, ф. 309, № 9, л. 33 — Конвив (convive) — гость. Книга его — «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева

⁶ Щеголев П. Е. Декабристы. М.—Л., 1926, с. 303.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон богоговорить,
Роптанью не внимать толпы непрощенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе».⁷

«Уединение» — это «Деревня»; по цензурным соображениям она была напечатана в 1826 году с измененным названием и в урезанном виде. Однако братья Тургеневы, конечно, знали полный текст «Деревни», написанной в 1819 году, в пору их близости с поэтом.

Александр Иванович разыскал окончание стихотворения среди своих бумаг; 15 августа 1830 года в его дневнике появляются строки:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает,
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?⁸

Перечитывая «Деревню», Тургеневы вспоминали беседы с поэтом на Фонтанке, когда в стихах Пушкина и тирадах Николая Ивановича гремела анафема российскому «хамству» — крепостничеству.

Теперь было не до анафемы. Восстание декабристов закончилось неудачей. Весть о нем застала их в Париже. Николай Тургенев был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением; он не вернулся в Россию.

Гибель друзей и вольнолюбивых надежд потрясла их младшего брата Сергея; его хрупкая психика не выдержала трудного экзамена; он умер на чужбине в 1827 году.

Александр Иванович остался верен брату-декабристу. Полуопальным, политически неблагонадежным человеком прожил Александр Иванович остаток жизни — целых два десятилетия. И никогда не пожалел о выбранном пути!

Теперь они жили на чужбине и с нетерпением ожидали вестей из далекой России. Друзья не отступились от них; с каждой почтой шли к ним письма от Жуковского и

⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 10, л. 17.

⁸ Там же, № 308, л. 122.

Вяземского. Письма и книжные новинки. 18 апреля 1828 года Вяземский сообщил Александру Ивановичу: «Пушкин посылает тебе с Ломоноссином шесть частей Онегина и новые издания Руслана и Бахчисарайского фонтана».⁹

Полтора месяца спустя оказия прибыла в Лондон; 7 июня Александр Иванович записал, что он получил «русские книжки и прочел все 6 песен Онегина, кн. Долгорукую и часть Бахчисарайского фонтана. Так и обдало Русью! Но не без наслаждения читал поэтов-приятелей, вспомнивших меня в отдалении и почти в ссылке».¹⁰

Первоначально главы «Евгения Онегина» выпускались отдельными книжками, по мере того как поэт заканчивал их. Шестая глава «Евгения Онегина» вышла в свет в конце марта 1828 года, и Пушкин при первой же возможности переслал ее вместе с предыдущими главами Тургеневу в Лондон.

Первую главу романа предварял «Разговор книгопродавца с поэтом»; его и начал читать Александр Иванович. Читал и заносил в дневник строки, которые его взволновали.

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья,
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья.

Поэт казнит — поэт венчает.

Наш век торгаш. В сей век железный
Без денег и свободы нет.

Эти афористические строки с особой силой звучали в столице Англии, тогдашнем центре мировой торговли. Но не только чай и кофе, шерсть и хлопок, не только изделия английских умельцев продавались и покупались. Чувства и мысли также становились предметом торга.

Здесь, в Лондоне стремительный прогресс в области промышленности и науки был виден отчетливее, нежели в Петербурге. Но и отрицательные стороны буржуазного

⁹ Архив братьев Тургеневых, вып. 6. Пг., 1921, с. 65. — Ломоноссик — Ломоносов Сергей Григорьевич (1799—1857), лицейский товарищ Пушкина, дипломат.

¹⁰ ИРЛИ, ф. 309, № 10, л. 53. — Кн. Долгорукая — поэма И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», изданная в 1828 году.

строю проявлялись на берегах Темзы четче, чем на европейском континенте. Кто мог отныне сомневаться в том, что прогресс — Шейлок, берущий чудовищные проценты за каждое свое благодеяние? Продолжим чтение выписок из дневника А. И. Тургенева.

Но вреден север для меня.

Пора надежд и грусти нежной

И о былом вспоминать.

К чему бесплодно спорить с веком.

Я все грущу, но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихлет.

Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвы поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов спешит.¹¹

Под пером Александра Ивановича строки «Евгения Онегина» становятся летописью его собственных переживаний.

А Онегин? А Татьяна? Неужели Александра Ивановича не заинтересовала их судьба? Не будем опрометчиво судить его: прочтем запись, сделанную им в Лондоне неделю спустя:

«Одна из дам описывала мне с некоторою живостию деревенскую жизнь свою и взаимные посещения знакомых, родных на неделю и часто более в замках их; из слов ее и многих других я заметил, что мужчины, особливо мужья, еще менее любезны в сельских купцах, чем в городе: там утро проводят они рыская на охоте или

¹¹ Там же, л. 54.

толкую о политике; усталые возвращаются домой к позднему обеду, пьют чай, говорят мало и спешат в объятия Морфея, оставляя дам с надеждою увидеть мужей за завтраком с новым аппетитом и с новыми планами — провести утро с верной собакой и с ружьем, и с новым аппетитом возвратиться к — верной жене и к верному ростбифу.

Пусть здешний Пушкин опишет здешних Онегиных и здешнюю Таню.¹²

Так проецировал Александр Иванович пушкинский роман в стихах на английские нравы.

В январе 1829 года А. И. Тургенев посетил имение маркиза Лансдоуна, расположенное недалеко от Лондона, и познакомился там с поэтом Томасом Муром, другом и биографом Байрона. Месяц спустя, встретив Александра Ивановича в лондонском клубе «Атеней», Томас Мур заговорил о переводах произведений Байрона на русский язык. А. И. Тургенев пообещал составить для него «меморию» о Пушкине, Жуковском, Козлове и Байроне — и на следующий день вручил ему свою записку; в ней содержались краткие характеристики русских переводчиков Байрона, а также в переводе на французский и английский язык отрывки из стихотворений Пушкина.¹³

Несколько месяцев спустя А. И. Тургенев получит пушкинскую «Полтаву» и отошлет ее брату; сам же он к этому времени пересечет Ламанш, посетит Брюссель и поселится в Париже.

30 ноября 1829 года Александр Иванович сообщит Жуковскому: «Брат читает теперь Полтаву Пушкина и 12-й том Карамзина: желал бы сообщить и тебе и Вяземскому то, что он пишет о сих 2-х книгах, но лучше на словах...»¹⁴

Николай Иванович жил в это время в Чельтенгаме в обществе «неистощимого и всеобъемлющего» Петра Борисовича Козловского, того самого, который несколько лет спустя станет сотрудником пушкинского «Современника». Письма Николая Тургенева из Чельтенгама сохранились;

¹² ИРЛИ, ф. 309, № 10, л. 58 об.

¹³ Подробнее об этом см. статью М. П. Алексеева «Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты» (Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 243—272).

¹⁴ ИРЛИ, ф. 309, № 307, л. 178.

вот что он писал 18 ноября брату в Париж: «Сегодня я получил от Mrs. Н. XII т. Карамзина и Полтаву. Сию последнюю читали ходя поутру у колодца. Множество стихов совершенно похожих на стихи Хвостова. Окончание 1-й песни, где он описывает Марию с Мазепой, только по сию пору нам понравилось.

После завтрака прочел вслух несколько страниц из Истории. Главно, но водяно. Замечание историка «о добродетелях государей и народов», в сравнении Шуйского с Годуновым, совершенно ребяческое, и не основательное, и не философическое <...> Я начал читать Карамзина XII т., и горько, и печально, и часто гадко!»¹⁵

Беспощадны слова Н. И. Тургенева о двенадцатом томе «Истории государства Российского». Суров его отзыв о «Полтаве». И не только суров, но ироничен. Стихи одописца, графомана Д. И. Хвостова были предметом постоянных шуток арамаасцев. Большого оскорбления, чем сравнить чьи-либо стихи со стихами Хвостова, трудно себе представить. И тем не менее отзыв Н. И. Тургенева вполне объясним. Прошло лишь четыре года со дня поражения декабристов на Сенатской площади. Правление Николая I не вызывало у Н. И. Тургенева надежд на обновление социального строя России. Книжные новинки, получавшиеся из Петербурга, он читал пристрастными глазами участника политической катастрофы. Он жаждал услышать слово хотя бы косвенного осуждения российских порядков. Такого слова он не слышал. Прославление самодержавия в двенадцатом томе «История государства Российского» вызвало осуждение им труда Карамзина; апофеоз Петра I в «Полтаве» он воспринял в остропублицистическом ключе. Тактическая линия Пушкина, пытавшегося историческим примером Петра I воздействовать на Николая I, чтобы добиться амнистии декабристов и проведения кардинальных реформ, была чужда Николаю Тургеневу.

Пройдет несколько лет — и Пушкин поймет несбыточность своих иллюзий. 21 мая 1834 года он запишет в дневнике чье-то (а скорее всего свое собственное) мнение о Николае I: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» (XII, 330; подлинник по-французски).

¹⁵ Там же, № 232, л. 56—57.

Пушкину приходилось жить под властью этого «прапорщика». И часто становилось невмоготу. Особенно его беспокоили журнальные дела, где тон задавал Фаддей Булгарин: это было нестерпимо. И вот с 1830 года в Петербурге стала выходить «Литературная газета» Дельвига; ближайшиe помощники издателя — Пушкин и Вяземский.

25 апреля Вяземский писал Александру Ивановичу: «Посылаю тебе, любезнейший друг, от Дельвига его „Газету“ и седьмую песню „Онегина“. В „Газете“ означил я имена авторов над некоторыми статьями. <...> Пиши литературные письма для „Газеты“ нашей и присылай ко мне; пиши, хотя не письма, а так, кидай на бумагу свои литературные впечатления и пересылай ко мне, а мы здесь это сошьем. Надобно же оживлять „Газету“, чтобы здесь „Пчелу“—пьявку,¹⁶ чтобы поддержать хотя один честный журнал в России».¹⁷

Среди раскрытых анонимных статей «Литературной газеты» — статьи Пушкина, Вяземского, Дельвига. То, что было секретом для публики, петербургские друзья не скрывали от Александра Ивановича.

«Поблагодари Дельвига за журнал, — отвечал Тургенев. — Право, давно не читал такой занимательной газеты. В ней столько оригинальных статей: твоя, Пушкина, Дельвига и другие можно прочесть и перечесть, хотя во многом я и не согласен с тобою. Как много знаете вы о нас, европейцах! <...> Не успею кончить письма, в котором хотелось дать тебе понятие о некоторых авторах и авторшах, и книгах, и проектах, кои теперь занимают меня, и отблагодарить Дельвига за „Газету“ отчетом о всем том, что вижу, слышу я в Париже».¹⁸

Политические события во Франции нарушили его планы; началась Июльская революция 1830 года, и печатать корреспонденции из Парижа стало невыносимо.

С декабря 1830 года Александр Иванович снова в Лондоне; в тишине полутемных кабинетов клуба «Атеней» он проводит многие часы за чтением газет, журналов, брошюр; его дневник пестрит то краткими, то пространными выписками из прочитанного. Появляются извлечения из

¹⁶ «Пчела»—пьявка — полуофициозная газета «Северная пчела», издававшаяся Ф. Булгариным.

¹⁷ ОА, т. 3, с. 192—194.

¹⁸ Там же, с. 202—207.

книги Роберта Саути об английской литературе. Вслед за строками о том, что время между творениями Драйдена и Попа (конец XVII и начало XVIII века) было темным веком английской поэзии, размышление Александра Ивановича: «В этой характеристике мрачной эпохи английской поэзии едва ли нет большего сходства с нашею эпохою в русской литературе, если исключить Жук^овского», Пушкина — истинных поэтов».¹⁹

Теперь, из исторического отдаления, когда канули в Лету булгарины и гречи, нам, потомкам, это время представляется эпохой Пушкина. Не такой она была в сознании современников, даже наиболее проникательных. Они видели, как процветают продажные литераторы, как унижены истинные таланты.

Тем радостнее были дни, когда посылки с книгами приходили из России; вопреки всему твердо стояли Пушкин, Жуковский, Вяземский, Баратынский.

Один из таких счастливых дней пришелся на февраль 1831 года; на столе Александра Ивановича появилась стопа русских книг: «Борис Годунов», стихотворения Пушкина, альманахи «Северные цветы» и «Альциона». Александр Иванович погрузился в чтение.

Не как бесстрастный ценитель изящного, а как человек, вовлеченный в бурные события своего времени, читал Тургенев произведения Пушкина. Вот выписки Александра Ивановича из монолога Пимена:

Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;

И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу;

Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь как море-окиян?

Сравните эти строки с полным текстом монолога, обратите внимание на то, что опущено, и вы поймете, как лично воспринимал лондонский «летописец» призна-

¹⁹ ИРЛИ, ф. 309, № 325, л. 13.

ния Пимена. Это, он, Александр Иванович, а не давно почивший монах, повторил от своего имени строки, думая о горестных событиях последних лет. Недаром сразу же за приведенными стихами он выписал строку из ответа Пимена Григорию:

Кромешники в тафьях²⁰ и власяницах.

О «кромешниках» XIX века думал Александр Иванович за чтением «Бориса Годунова».

«Кн. Шуйский о перевозке тела Димитрия» из Углича в Москву

Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?

Не скажут ли сего о манифестах — с Русским богом,
о министр<ерстве> Франц<ии> во время Карла X:

они святыню дерзко
В делах мирских орудием творят».²¹

Возмущением кипит ответ Александра Ивановича на риторический вопрос Шуйского. Там, в трагедии — уловка лукавого царедворца, здесь, на страницах лондонского дневника, — обвинение в святотатстве двух монархов: Николая I, «божиею милостию» (этими словами начинались все царские манифесты) утвердившего приговор по делу декабристов, и Карла X, освящавшего именем бога нарушения французской конституции.

Вслед за «Борисом Годуновым» Тургенев принялся читать «Северные цветы». Его выписка:

Поэту

Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум. Пушкин.

Анониму, Пушкин.

К доброжелательству досель я не привык.

Монастырь на Казбеке, Пушкин.

Высоко над семью гор,
. . . . .

²⁰ Тафья — маленькая круглая шапочка, род ермолки, плотно закрывающая макушку головы; монашеский головной убор. Кромешник — опричник.

²¹ ИРЛИ, ф. 309, № 325, л. 39 об.

Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине,
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне».²²

Как выразительна эта пристрастная, субъективная «мозаика»! Строки из различных стихотворений звучат в унисон, составляют стройную гамму переживаний. Эта «мозаика» является объективным документом читательской психологии, позволяющим судить, какие ответные токи возбуждала поэзия Пушкина у его современников.

Далее в дневнике А. И. Тургенева выписки из томика стихотворений Пушкина:

«Пушкин, часть II, *Шенье*:

Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет

Недаром темною стезей . . . .
Я проходил пустыню мира.²³

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.²⁴

в октябре 1825? года пророк — Пушкин писал:

Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний:
Промчится год, и я явлюся к вам.

В самом деле явился к друзьям своим, в числе коих не нашел — Пущина.

Но и Пушкин написал *Стансы* в 1827 году! В чем они видят Петра Великого? Зачем сравнивать бывших друзей сибирских с стрельцами? Стрельцы были запоздалые в веке Петра: эта ли черта отличает бунт Петербургский?»²⁵

В отзыве Александра Ивановича на «Стансы» обнажается трагизм положения Пушкина; даже такой доброжелательный друг, у которого не было и тени сомнения в чистоте его нравственного облика, считал это стихотвор-

²² ИРЛИ, ф. 309, № 325, л. 40.

²³ Из стихотворения «Козлову по получению от него „Чернеца“».

²⁴ Из стихотворения «Если жизнь тебя обманет. . .»

²⁵ ИРЛИ, ф. 309, № 325, л. 40 об.

ное обращение ошибкой. Тот, чья рука не дрогнула благословить приговор декабристам, — передовым людям своего поколения, — не станет вровень с Петром I — таково было твердое убеждение Александра Ивановича. Многому его научила и неудача хлопот за брата; он понял, что надеяться на великодушные Николая I бессмысленно, что судьба брата и его соратников решена на долгие годы. Что же было делать? Помогать пострадавшим и опровергать официальную лживую версию, очищать от наветов доброе имя патриотов, дерзнувших выступить против абсолютизма.

Четверть века спустя Герцен печатным опровержением доклада следственной комиссии по делу декабристов завершит многолетнюю устную пропаганду Тургенева в европейских салонах. Александру Ивановичу не довелось дожить до гневной отповеди Герцена царским «законникам»; как бы он ликовал, если его радовали даже краткие упоминания о декабристах. 24 января 1831 года во французской газете, «*Constitutionnel*» было напечатано письмо из Польши. Автор письма (оно опубликовано анонимно) от имени поляков предлагал русским совместно бороться с Николаем I: «Окровавленные тени Пестеля, Рыльева и Муравьева зывают к вам».²⁶ — восклицал автор письма. И вот газета в руках у Александра Ивановича; в его дневнике появляется запись о том, что «начинают уже славить имена наших — погибших...»²⁷

Вскоре Тургенев приедет в Россию и с волнением будет читать потаенные стихи Пушкина.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

В заграничных дневниках Тургенева то здесь, то там мелькают имя Пушкина и строки стихов его. Пушкин «сопутствовал» Александру Тургеневу в его скитаниях; поэзия Пушкина помогала Тургеневу влачить тягостные дни полудобровольного изгнания. Случалось ему и спорить мысленно с поэтом. Но разве дружба исключает споры?

²⁶ «*Constitutionnel*», 1831, 24 janvier.

²⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 325, л. 20 об. Запись от 28 января 1831 г.

А. И. Тургенев вернулся на родину в первых числах июня 1830 года. Проездом в Москву он ненадолго задержался в столице; тут и привелось увидеться с Пушкиным после одиннадцатилетней разлуки; встреча была краткой, где-то на людях, поговорить по душам не удалось.

«Мне иногда очень грустно, что в деятельную, решительную эпоху его жизни мы не встретились и даже в эпоху моего душевного и интеллектуального возраста — виделись мы только на час, ночью, не успели ни высказать себя, ни проститься, — сетовал Александр Иванович Жуковскому. — Где он будет зимовать? В Царском или в П^{кетер} б^{сурге}? Здесь перестали морить его. Скажи ему, что я все еще оправдываю стих его — „и сплю“ — есть ли не у графа де Лаваль, то в театре за переименованным Потье. Недавно всхрапнул и рассмешил дам, лучше французских шуток актера».¹

Тургенев намекает на старину, на давнишнее послание 1817 года, в котором Пушкин писал ему:

Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль.

¹ ИРЛИ, ф. 309, № 4714. — О Пушкине и семье графа де Лаваль см.: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...». — Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969, с. 36—43.